

⁴ Несомненно, интересен тот факт, что семантическая эволюция, которую мы здесь реконструируем по отношению к древнегреческому перфекту (от статального значения к обозначению достигнутого состояния), представляет собой процесс, который обнаружен в истории глагольных систем некоторых неиндоевропейских языков, в частности, в истории семитских языков. Той глагольной формации (суффиксальному спряжению), которая в древнейшем из засвидетельствованных семитских языков — аккадском — служит преимущественно для обозначения состояния («пермансив», по терминологии X. Са-рау, «статив», по терминологии Ф. Рундгрена), в западносемитских языках, засвидетельствованных значительно позже, соответствует формация, имеющая в основном значение перфекта, хотя и сохранившая в ряде слов в качестве реликта свое первоначальное статальное значение. См.: S a g a u w Chr. Das altsemitische Tempussystem.—"Festschrift V. Thomsen". Leipzig, 1912; R u n d - g r e n Fr. Erneuerung des Verbalaspects im Semitischen. — Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis, Nov. ser. 1 : 3. Uppsala, 1963.

⁵ Очень четко такое деление проведено Фр. Кейлем. — См.: Keil Fr. Untersuchungen zum Perfektgebrauch Herodots. — "Glotta", 1963, Bd. XLI, H. 1—2, S. 11.

М. В. СКРЖИНСКАЯ

СОЧИНЕНИЯ ЦИЦЕРОНА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ВРАЧАХ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Название статьи может вызвать некоторое недоумение у читателя. Ведь известно, что Цицерон не только не писал никаких сочинений о медицине, но даже не затрагивал сколько-нибудь подробно этой темы ни в одном из своих трудов. И, насколько нам известно, никто еще из исследователей не изучал литературное наследие Цицерона как источник сведений о врачах Древнего Рима.

От античности сохранилось немало сочинений на специальные медицинские темы. В то же время вопрос о положении врачей в древней Италии и об отношении к ним ее населения специально не трактовался ни в одном из известных нам источников. В речах же, письмах и трактатах Цицерона не раз встречаются разрозненные упоминания о врачах, по которым можно составить некоторое представление об их месте в обществе и взглядах на них разных групп населения.

Римляне чрезвычайно редко выбирали для себя профессию врача. В источниках, содержащих упоминания о практиковавших в Риме врачах, встречаются главным образом греческие имена, а также имена выходцев из восточных стран. Плиний Старший отметил эту особенность (*in tanto fructu paucissimi Quiritum attigere* — N. H., XXIX, 17) и хорошо объяснил одну из причин подобного явления. Греческая медицина пользовалась в древнем мире исключительным авторитетом, сочинения по медицине были написаны в основном на греческом языке, так что римляне для овладения профессией врача должны были

ознакомиться со всеми знаниями, накопленными греками, и становились «как бы перебежчиками к грекам» (*ad Graecos transfugae*).

Врачи римлян были весьма различны по своему социальному составу и положению. Очень многие из них были рабами и отпущенниками. Они составляли непременную принадлежность большой фамилии. Раб-врач очень ценился. Он либо помогал своему хозяину, либо его отдавали за определенную сумму внаем (CIL, XI, 5836), либо он получал от господина право свободной практики и, заработав достаточно денег, имел возможность выкупиться на волю; иногда хозяин продавал его за крупную сумму. Последний случай упомянут Цицероном в речи в защиту Авла Клуенция Габита. Некая Соссия купила у врача Авла Рупилия обученного им раба Стратона. Она предоставила Стратону специально оборудованное помещение для медицинской практики (*insrtuctam ei continuo et ornatam Larini medicinae exercendae causa tabernam dedit*. — Cluent., LXIII, 178). Раб занимался врачеванием три года, затем, не удовлетвовавшись получаемыми доходами, обокрал свою хозяйку. За это и другие преступления он понес тяжелое наказание: был распят на кресте, а перед тем ему вырезали язык (Cluent., LXVI, 187).

Это сообщение Цицерона свидетельствует, кроме прочего, и о том, как получали в древности медицинское образование. Опытный врач имел вокруг себя группу учеников, причем в их числе могли быть и рабы.¹

Среди речей Цицерона наиболее подробный рассказ о врачах содержится в упомянутой уже речи в защиту Авла Клуенция Габита. Последнего обвинили в отравлении его отчима Оппианика. Цицерон останавливается на преступных действиях Оппианика, который из корыстолюбия погубил немало людей, не раз обращаясь к услугам своего врача (Cluent., XIV, 40). В сочинениях античных авторов можно найти немало рассказов о врачах, намеренно губивших своих пациентов (ср. Mart., X, 77).

При желании, вероятно, их было не особенно трудно отыскать. Тот же Оппианик, когда его родственница Динея отказалась лечиться у его врача, так как не доверяла человеку, который свел в могилу всех ее родных, быстро сторговался со случайно оказавшимся в городе Люцием Клодием из Анконы, «площадным лекарем и торговцем лекарствами» (Cluent., XIV, 40).² За две тысячи сестерциев Люций Клодий согласился погубить больную Динею, причем сделал это чрезвычайно быстро, так как спешил в другой город.

Речи Цицерона касаются в основном преступного поведения врачей. Произнесенные перед большим количеством народа они не способствовали формированию благоприятного отношения к врачам, тем более, что у римлян выработалось настроенное отношение к медицине и ее представителям.³

Печальные сведения о деятельности некоторых врачей содержатся в речах Цицерона против Верреса. Известно, что в свите проконсулов обычно присутствовали врачи (Cic., Verr., II, 27; III, 28, 138; Piso, 83; Har. resp., 35; Suet., Iul., 4). Веррес подобрал таких врачей, которые согласились служить исполнению его гнусных замыслов. Цицерон называет имена особенно прославившихся преступников из свиты Верреса, при этом врач указан на первом месте: *Ingerebat iste Artemidorum Cornelium medicum, Valerium praesonem, Ptoptolemum pictorem et eiusmodi recuperatores, quorum civis Romanus nemo erat, sed Graeci sacrilegi, iampridem improbi, repente Corneli* (Verr., III, 69). Не безязвительности Цицерон замечает, что врач Артемидор, грек по происхождению, лишь недавно присоединил к своему имени римское *Cornelius*. Оратор обращает внимание слушателей на то, что все грязные сообщники Верреса — не римские граждане, а греки, преступившие божеские и человеческие законы. Тем самым Цицерон переносит как бы часть вины Верреса на греков, презрительное отношение к которым было широко распространено среди римлян.

Если о преступлениях врачей Верреса оратор говорит очень общо, то преступление врача проконсула Пизона описывает подробно. Цицерон дважды обвинял Пизона, проконсула Македонии 57—55 гг., в убийстве Платона, в качестве посла прибывшего из Орестиды к Пизону (In Pis., 83; Har. resp., 35). Римлянин хотел получить от посла деньги и, не добившись этого, решил его убить, несмотря на то, что они были некогда друзьями и Пизон даже останавливался в доме Платона. Римский проконсул сначала держал его в заключении, а потом, не желая совершать публичную казнь, воспользовался услугами своего врача, который вскрыл вены несчастному Платону.

В таких страшных делах бывали замешаны врачи античности, побуждаемые к преступлению корыстью или заглушавшие голос совести, повинувшись угрозам могущественных лиц. Это, конечно, не снимает вины с врачей, позволявших себе применять медицинские познания в направлении, прямо противоположном тому, которое им предписывала «Клятва» Гиппократов. Впрочем, эти рассказы характеризуют еще в большей степени тех, в чьих интересах совершалось преступление.

Как объяснить, что речи Цицерона содержат исключительно отрицательные примеры деятельности врачей? Думается, что для этого существовали две причины.

Во-первых, в судебных речах (а врачи упомянуты оратором только в речах этого рода) рассматриваются преимущественно отрицательные поступки людей. Во-вторых, признание заслуг греков в области науки, литературы и искусства было распространено лишь среди образованной верхушки римского общества. В основной же массе римлян, нередко встречавшихся лишь с «разносчиками отбросов греческой культуры», греческое влия-

ние в целом вызывало раздражение и протест.⁴ Поэтому не только Цицерон, но и другие римские ораторы не стремились показывать свои знания в области греческой науки и литературы, а тем более высказывать сочувствие к представителям этого народа.⁵ Цицерон в речах избегал даже употреблять гречизмы и цитировать греческих авторов.⁶ Наряду с этим у Цицерона можно найти самые высокие похвалы греческому гению: *Doctrina Graecia nos et omni litterarum genere superabat* (Tusc., I, 1, 3) 'Греция превосходила нас образованием и всякого рода другими науками'; ср. также: *Pro Flacco*, 4, 9; *De fin.*, II, 68; *Resp. har.*, 9, 19; *De or.*, III, 34).

Это двойственное отношение Цицерона к грекам отразилось и в его упоминаниях о врачах. Трактаты и письма Цицерона раскрывают перед нами совсем иной, чем в речах, взгляд на врачей. Оказывается, в жизни оратор встречал прекрасных врачей, верил им, неоднократно пользовался их услугами, а некоторых называл даже своими друзьями. В письмах Цицерон ни разу ни в чем не обвинил ни одного из своих знакомых врачей. Таким образом, эта часть литературного наследия Цицерона рисует нам облик врача I в. до н. э. совсем в ином свете.

Знаменитый врач Асклепиад из Прусы упомянут Цицероном в трактате «Об ораторе» среди тех, кто успешно использовал ораторское искусство для изложения сущности разных наук. Уроженец Вифинии, Асклепиад учился в Александрии и в Афинах, с большим успехом занимался медицинской практикой, некоторое время жил в Риме. Истории медицины известен его крупный вклад в патологию, терапию и хирургию. Ходила легенда об уверенности Асклепиада в своем искусстве врачевания: будто бы он заявлял, что всегда останется здоровым, и просил не считать его врачом, если это окажется не так. И действительно, как сообщает Плиний, Асклепиад умер в глубокой старости не от болезни, а в результате падения с лестницы (N. H., VII, 37).

Говоря об Асклепиаде, Красс, в уста которого Цицерон вложил рассуждение о пользе ораторского искусства для людей разных специальностей, не без гордости отметил, что этот знаменитый врач его лечил и был его другом (*De orat.*, I, 16, 62 — *quo nos medico amicoque usi sumus*).

К числу своих друзей Цицерон относил врача Асклопона из Патр. В письме к Сульпицию Руфу оратор сообщает, что ему было весьма приятно общение с этим врачом, что он высоко оценил его искусство при лечении своих близких. Когда Асклопон отправился в Грецию, Цицерон снабдил его самым лестным рекомендательным письмом, где хвалил его знания, добросовестность и благожелательность (*Fam.*, XIII, 20).

Известие о смерти врача Алексииона вызвало у Цицерона искреннее сожаление, он скорбел об утрате «искуснейшего врача» и о потере прекрасного человека. Цицерон лечился у Алек-

сиона, и тот, вероятно, особенно тронул оратора тем глубоким душевным вниманием, каким должен обладать настоящий врач: *Amorem erga me, humanitatem, suavitatem desidero* (Att., XV, 1). Конечно, эти слова Цицерона могут свидетельствовать не только о профессиональных, но и просто о человеческих качествах Алексиона; но ведь у врача и то и другое сливается воедино, как ни у кого другого.

Если в своих речах оратор говорил о преступных действиях врачей, по приказу или за деньги губивших своих пациентов, то в письмах, наоборот, он защищает невиновного врача, на которого пало обвинение в преступлении такого рода. Гликон, врач Пансы, после смерти последнего был заподозрен в преднамеренном убийстве и посажен под стражу. В письме Бруту Цицерон настоятельно просит (*rogo te et quidem valde rogo*) защитить «скромного и порядочного» врача, «вырвать его из-под стражи и спасти». Защиту Гликона Цицерон рассматривает не как любезность по отношению к знакомому, а как свою обязанность (Brut., I, 6, 2 — *ad meum officium ... arbitror pertinere*).

Наконец, надо упомянуть, что в сравнениях Цицерона нашло заметное отражение медицинское содержание. В речи в защиту Клуенция оратор применяет следующее сравнение: *... in morbis corporis, ut quisque est difficillimus, ita medicus nobilissimus atque optimus quaeritur, in periculis capitis, ut quaeque causa difficillima est, ita deterrimus obscurissimusque patronus adhibetur; nisi forte hoc causae est, quod medici nihil praeter artificium, oratores etiam auctoritatem praestare debent* (Cluent. XXI, 57) «...при болезнях тела, чем тяжелее человеку, тем более известного и хорошего врача приглашают, а в уголовных делах, чем предмет труднее, тем менее известного и более слабого привлекают защитника; неужели причина заключается в том, что врачи не должны ничего проявлять, кроме своего искусства, ораторы же сверх того должны иметь авторитет».

Другое сравнение такого рода есть в трактате Цицерона «О государстве»: *Ut enim gubernatori cursus secundus, medico salus, imperatori victoria, sic huic moderatori reipublicae beata civium vita proposita est* (Rep. V, 8) «Как для кормчего благоприятный путь, для врача здоровье, для полководца победа, так для этого правителя государства служит целью счастливая жизнь граждан».

Подобные сравнения встречаются у Цицерона неоднократно.⁷ Отсюда можно сделать вывод о распространенных у римлян (и достаточно общих для многих народов) представлениях: чем тяжелее болезнь у человека, тем более известного и опытного врача следует к нему призвать; не важно, кто он, откуда он, важно лишь его искусство (*nihil praeter artificium*); высшая цель врача — здоровье (*salus*) людей, и хвалить врача следует тогда, когда он с помощью своего искусства вылечит больного.

Здесь как бы вкратце высказано пожелание каждого человека, каким он хочет видеть врача, — пусть врач в совершенстве владеет трудным искусством медицины, пусть он всегда видит перед собой благородную цель своей деятельности — здоровье людей, и пусть осуществляет ее постоянно на практике по отношению к каждому своему больному.

Встречается сравнение и с плохим врачом. В одном из писем к Аттику Цицерон уподобляет некоего Аппия, правителя провинции, плохому врачу, который выпустил из больного почти всю кровь и совершенно его измучил (Att., VI, 1).

Итак, рассмотрев сочинения Цицерона, мы услышали из его уст и похвалу, и порицание современным ему врачам. Однако порицания, порой горькие и основательные, не скрывали от Цицерона высоких гуманных целей медицины и ее практической пользы. Недаром, разделяя профессии на благородные и неблагородные, Цицерон среди благородных и полезных профессий первой назвал медицину (*De off.*, I, 42).

Если судить по письмам Цицерона, то в своей жизни он встречался с честными и искусными врачами, по-видимому, не требовал от них невозможного, т. е. успеха там, где была бессильна медицинская наука его времени, и не отличался чрезмерной подозрительностью, которая приписывала всякую сколько-нибудь необычную смерть пациента козням врача. Думается, что так же относились к врачам и медицине все здравомыслящие люди его времени. Косвенным доказательством этого являлась политика государства, поощрявшего деятельность врачей и привлекавшего их в Рим, так как сами римляне неохотно занимались медицинской практикой.⁸

Печальные примеры злоупотреблений врачей свидетельствуют не столько об испорченности людей этой профессии, сколько об общем падении нравов римских граждан. Недаром Цицерон обрушивает свой гнев в первую очередь на тех, кто с помощью врачей совершал отвратительные поступки.

Рассказы о страшных преступлениях врачей, передаваясь из уст в уста, несомненно, обрастали невероятными подробностями. На фоне таких рассказов бессилие медицины перед многими недугами, неэффективные способы лечения тех или иных заболеваний, приводящих к смерти, предрасполагали к мыслям о лекарствах, скорее способствующих смерти, а не выздоровлению, или о намеренном нежелании врачей помочь больному.

Но те, кто серьезно размышлял о самой сущности медицины, понимали, что успех лечения зависит от многих причин, в частности, не только от суммы знаний, но и от интуиции врача (*Cic.*, *De div.*, II, 5, 3). Последнему научить невозможно. Это тот дар, который дается от природы, и в сочетании с основательными знаниями формирует настоящего врача. Такие врачи встречались и среди получивших громкую известность, и среди скромных тружеников, всеми силами пытавшихся помочь своим

пациентам. Деятельность этих врачей почти не нашла отражения в античных источниках, а то немногое, что удается узнать о них, извлекается из кратких попутных упоминаний древних авторов. Наиболее богатым такими упоминаниями для республиканского периода существования Рима оказалось литературное наследие Цицерона.

Примечания

¹ Выразительную картину рисует Марциал, изображая врача Симмаха со многими учениками у постели своего пациента: ученики не просто наблюдают за действиями учителя, но под его присмотром делают первые шаги непосредственного осмотра и лечения больного (Mart., V, 9).

² В древности не было аптек, и лекарства готовились либо самими врачами, либо приобретались у таких торговцев всевозможными снадобьями, каким был Люций Клодий. Эти *pharmasoplae* так прославились разными махинациями, что само их название стало синонимом слова «шарлатан».

³ Напомним, что первый профессиональный греческий врач — хирург Архагат — прибыл в Рим в 219 г. до н. э. (Plin., N. H., XXIX, 12). Вскоре он был изгнан из города, и после этого долгое время греческие врачи не появлялись в Италии (Plin., N. H., XXIX, 16). Крайне отрицательно относился к профессиональным врачам Катон Старший. Его проклятия в адрес греческих врачей приведены в «Естественной истории» Плиния (Plin., N. H., XXIX, 14).

⁴ Нахов И. М. Цицерон и греческая культура. — В кн.: Цицерон. М., 1959, с. 74.

⁵ Об этом свидетельствуют высказывания знаменитых ораторов Красса и Антония (Cic., De or., II, 4).

⁶ См. об этом: Oksala P. Die griechischen Lehnwörter in den Prosaschriften Cicero's. Helsinki, 1953.

⁷ Ср.: Fin., I, 42; Div., I, 112; II, 13, 16, 23, 145; Rep., I, 62; V, 5. Такие сравнения широко использовались греческими писателями и отсюда перешли в римскую литературу.

⁸ В 46 г. до н. э., удаляя из Рима в колонии 80 тыс. чужеземцев, Цезарь сделал исключение для врачей и учителей. При этом он даже даровал им римское гражданство и поощрял прибытие новых специалистов (Suet., Caes., 42). В том же направлении развивал свою политику в отношении врачей и Август (Suet., Aug., 42).

Н. И. СТЕПАНОВ

МАКЕДОНИЗМЫ В ТЕКСТАХ НОВОАТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

О фактическом состоянии древнемакедонского языка, синхронного эпохе эллинизма, современная наука располагает данными очень скудными и во многом неясными. Мы имеем дело со случайными примерами слов, собранными греческими лексикографами (Америер, Гесихием и др.), с редкими словами, которые по каким-либо причинам отмечались и приводились на-